

Глава 2

Чао Цы привел Цзинь Яо в свой дом.

Всего через несколько дней он огорошил отца и старшего брата заявлением, что намерен жениться на спасенном незнакомце.

Отец и брат застыли в немом изумлении.

Потратив немало сил на то, чтобы убедиться, что Чао Цы не шутит, они мгновенно переменялись в лицах. Оба категорически воспротивились этой затее.

Ладно еще охалка наложниц в задних покоях, к этому все привыкли. Но притащить в дом первого встречного мужчину и объявить его своим законным супругом — это уже выходило за всякие рамки.

Мало того, что муж-мужчина в их кругах считался делом неслыханным, так и сам избранник вызывал одни вопросы. На расспросы о своем происхождении он отвечал лишь, что его зовут Цзинь Яо, а остальное стерлось из памяти. Хотя лекарь после осмотра и подтвердил, что тяжелый удар по голове мог вызвать синдром потери памяти отделившейся души, разве мог такой человек, без роду и племени, стать законным супругом наследника семьи Чао?

К тому же, несмотря на поистине божественную красоту, незнакомец был пугающе слаб. Тот же лекарь вынес вердикт: врожденная хрупкость. Без тщательного ухода он не протянул бы и пары дней, но даже при самом бережном отношении его ждала жизнь, полная недугов...

И этот калека метит в мужья их младшему Чао Цы?

Да как он смеет?! Вот этот?! Вот этот вот?!

Отец и брат стояли на своем.

Однако Чао Цы прекрасно знал, как вить веревки из родни. Несколько дней подряд он пускал в ход весь арсенал: от слез и истерик до картинных угроз покончить с собой и голодовок. В конце концов сердце близких дрогнуло.

В любой другой благородной семье такому непочтительному сыну переломали бы ноги и заставили коленопреклоненно замаливать грехи в храме предков три дня и три ночи. Но в семье Чао младшего сына обожали сверх меры. Глава семейства и старший брат давно не чаяли, что из него выйдет какой-то толк, а потому в итоге сдались.

Получив заветное согласие, Чао Цы, едва не прыгая от восторга, помчался в задние покои к

Цзинь Яо.

Он влетел во дворик, который сам отвел для мужчины. Место было не слишком просторным, но обставленным с изысканной роскошью: каждый предмет мебели был искусно сработан, а цветы и травы в саду принадлежали к самым редким и дорогим сортам, собранным со всех уголков страны.

Чао Цы пересек передний двор и толкнул дверь. В лицо пахнул тонкий аромат орхидей. Поскольку лекарь предупредил, что Цзинь Яо слаб и в комнате не должно быть слишком сыро или холодно, благовония здесь не жгли — их заменяли многочисленные горшки с ценными цветами.

В покои проникало много света. Несмотря на сильный ветер снаружи, окна были распахнуты настежь, и яркое, чуть оранжевое солнце заливало комнату, выставляя напоказ всё её изящное убранство.

Цзинь Яо полулежал на мягкой кушетке. Его длинные, словно выточенные из нефрита пальцы держали редкий свиток. Он был полностью поглощен чтением и даже не поднял головы, услышав шаги.

Подперев голову рукой, он замер, а солнечные блики прорисовывали на его переносице и щеке резкие, пронзительной красоты тени. Полы расшитого одеяния и широкие рукава небрежными складками ниспадали к самому полу. Даже бессмертный с картины померк бы рядом с этим человеком.

Заметив, что Цзинь Яо не обращает на него внимания, Чао Цы подошел к вешалке, взял плотное, подбитое мехом одеяние — плащ — и, слегка робея, приблизился. Он осторожно набросил плащ на плечи мужчины.

Кончики его ушей покраснели, и он проговорил тихим, ласковым голосом:

— Хотя зима только началась, нельзя быть таким беспечным. А-Яо, ты сидишь у самого окна, как можно быть так легко одетым?

Цзинь Яо отложил книгу и поднял на него взгляд, в котором, впрочем, не читалось никаких эмоций.

Чао Цы не смутился его холодности и продолжил:

— А-Яо, не сиди больше на сквозняке. Пойдем во внутренние покои, я помогу тебе нанести лекарство, хорошо?

Мужчина плотнее запахнул плащ на плечах и издал едва слышный смешок.

«Каков наглец, — мелькнула в его голове мысль. — Наверняка опять ищет повод прикоснуться под предлогом лечения»

Юноша снова смутился, но от этого низкого, бархатистого голоса, подобного прохладному источнику, в его сердце затрепетало сладкое волнение.

Набравшись смелости, он все же увлек А-Яо за расшитые ширмы и шелковые занавеси, вглубь покоев.

Достав мазь и чистые бинты, Чао Цы, густо краснея, прошептал:

— А-Яо, присядь скорее. Лекарь говорил, что раны нельзя оставлять без присмотра.

«Этот мальчишка краснеет каждый день, — подумал Цзинь Яо. — Видимо, стыд ему не чужд, вот только руки у него никогда не дрожат, когда он пользуется случаем, чтобы коснуться меня»

Это забавляло, но не более. Истинный владыка не принимал это близко к сердцу.

Перед ним был всего лишь смертный. И все его поступки, добрые или дурные, едва ли могли тронуть его душу. Цзинь Яо не чувствовал к нему ни симпатии, ни даже неприязни.

Без лишних слов он сел на кровать и спустил одежду, обнажая плечи и спину.

Под белой, словно холодный нефрит, кожей перекачивались крепкие мышцы. К ним было боязно и в то же время тянуло прикоснуться.

Левое плечо было туго замотано бинтами. Густой запах трав, исходивший от повязок, не казался неприятным. Напротив, он смешивался с естественным холодным ароматом мужчины, создавая терпкую, дурманящую смесь.

Чао Цы начал осторожно снимать повязку. Когда его пальцы случайно касались кожи, кончики их словно обжигало.

Когда бинты были сняты, перед юношей вновь предстала жуткая рана. Шрам, багровый и уродливый, пересекал почти всю спину. Хотя за несколько дней он уже затянулся коркой, зрелище всё еще оставалось пугающим. В памяти Чао Цы невольно всплыла картина того дня, когда рана была свежей, обнажая кость.

— Не знаю, какой мерзавец так обошелся с тобой, А-Яо! — не выдержал он, сердито раздувая щеки. — Если бы только ты вспомнил его имя, я бы... я бы заставил его поплатиться!

Он говорил с негодованием, но его движения при нанесении мази оставались невероятно нежными. Цзинь Яо чувствовал лишь приятную прохладу, утишающую боль.

Он слегка приподнял бровь.

«Никакого мерзавца не было, — подумал он. — Этот след от клинка я оставил себе сам»

Мальчишка действительно был изнеженным юным господином из мира смертных. Даже его месть звучала по-детски: «заставить поплатиться». Наверняка он за всю жизнь и курицы не зарезал.

Цзинь Яо мог казаться чистым и возвышенным верховным божеством, но тот, кто силой усмирил демонов шести миров и положил конец великому хаосу древности, не мог быть «добрым» в обычном понимании. Во всех мирах вряд ли нашлось бы существо, чьи руки были бы омыты кровью больше, чем его.

При этой мысли он вспомнил о печатях Царства демонов, которые в последние сто лет начали слабеть, и почувствовал внезапное раздражение.

Он повернул голову и мельком взглянул на Чао Цы, который сосредоточенно обрабатывал его рану.

Тот поднял на него свои ясные, влажные глаза.

— Что такое? Я причинил тебе боль? — спросил юноша.

В его голосе слышалась неприкрытая забота и какая-то неосознанная, мягкая нежность.

— Нет, — коротко бросил Цзинь Яо и отвернулся.

«Нужно поскорее покончить с этим бессмысленным любовным испытанием и вернуться в Царство богов»

Дату свадьбы назначили на удивление скоро. Семья Чао пригласила мастера для расчетов, и тот указал на ближайший благоприятный день лишь через два месяца. Но Чао Цы упрямо стоял на своем: середина следующего месяца — лучший срок. До него оставалось меньше тридцати дней.

Все понимали, что дело не в «хорошем дне», а в том, что юноше просто невтерпеж поскорее

сочетаться браком.

Родным оставалось лишь качать головами от смеси смеха и отчаяния. Видя его непреклонность, мастер подтвердил, что выбранный день хоть и не идеален, но и дурных предзнаменований не несет. В конце концов, в этой затее с мужем-мужчиной всё и так было сплошным баловством.

С приближением свадьбы Чао Цы развил бурную деятельность. Глядя на это, его отец не знал, радоваться ему или огорчаться — сын впервые в жизни с таким рвением помогал в домашних хлопотах. Хотя, строго говоря, торжество было его личным делом.

Несмотря на занятость, юноша заглядывал к Цзинь Яо постоянно. Днем он крутился среди свадебных приготовлений, а по вечерам, как ошпаренный, мчался во дворик к своему избраннику.

Впрочем, задерживался он не дольше чем на час: менял повязки, перекидывался парой фраз и ровно в три четверти часа Собаки уходил к себе.

Поначалу Цзинь Яо это даже удивляло. Неужели этот маленький сластолюбец решил разыграть из себя благородного мужа? Он-то ожидал, что парень будет всеми правдами и неправдами напрашиваться на ночлег в его покоях.

Как-то он обронил об этом вскользь, на что юноша, густо покраснев, ответил:

— Мы еще не в браке. Не стоит торопить события.

Кто бы мог подумать, что этот внешне ветреный и охочий до ласк малый окажется столь консервативным в душе.

Цзинь Яо окинул собеседника взглядом. Чао Цы был одет в ярко-красное шелковое одеяние, которое еще сильнее подчеркивало его белизну кожи и алые губы. Его глаза обычно сверкали озорством, но когда он удивлялся, то распахивал их так широко, что из-за чайного цвета зрачков становился похож на котенка. А на щеках еще проступала детская округлость.

Как ни посмотри, просто неоперившийся птенец, который нахватался замашек у столичных повес.

Цзинь Яо невольно усмехнулся.

Для свадьбы с мужчиной существовали свои обычаи. Хотя А-Яо входил в семью Чао, никто не собирался его унижать.

В день торжества оба облачились в красные наряды женихов. Поскольку Цзинь Яо потерял память и не имел родни в провинции Цзиньюнь, семья Чао приобрела для него поместье в южной части города, откуда он и отправился к дому супруга.

Увидев его, Чао Цы расплылся в улыбке, прищулив свои глаза, по форме напоминающие лепестки персика. В каждом его движении, в самом изгибе губ и даже в кончиках волос читалось безмерное, искреннее счастье.

Цзинь Яо это было непонятно. Прежде они никогда не встречались. Неужели можно так глубоко влюбиться, лишь раз увидев человека?

«В конечном счете, всё это лишь из-за внешней красоты»

Когда обряды в главном зале завершились, Чао Цы выпроводил всех, кто пытался по обычаю шумно ворваться в спальню новобрачных. Закрыв дверь, он обернулся к супругу, который уже сидел за чайным столом. Внезапно всё восторженное возбуждение улетучилось, сменившись нахлынувшей робостью.

Сбиваясь с шага, он подошел к столу и сел напротив. Юноша принялся суетливо пододвигать к Цзинь Яо блюда с фруктами и сладостями.

— А-Яо, ты наверняка проголодался? Съешь что-нибудь, перекуси.

Свадебные церемонии в знатных семьях всегда были утомительными и долгими. С самого утра ни один из них маковой росинки во рту не держал.

Цзинь Яо небрежно взял кусочек печенья, попробовал и спросил:

— А ты? Не хочешь есть?

— Я... я не голоден, — запинаясь, выговорил Чао Цы. Сейчас его голова была забита чем угодно, только не мыслями о еде.

А-Яо, однако, протянул ему сладость:

— Ты сегодня тоже ничего не ел. Ешь.

Юноша в каком-то тумане принял угощение, а на его лице расплылась глуповатая, но счастливая улыбка.

Это был первый раз, когда А-Яо проявил к нему заботу.

Он не винил его — в конце концов, Чао Цы всегда был окружен слугами, никто не смел его обидеть или оставить в нужде, так что у супруга и повода-то для заботы не было.

Но сейчас, когда это случилось, юноша почувствовал, будто идет по мягким облакам.

Взглянув на сладость в своей руке — ту самую, которую только что держал А-Яо, — он откусил кусочек. И ему показалось, что она в сто крат слаще всех угощений на свете.

<http://bllate.org/book/15361/1372893>